

В. П. КОВАЛЕНКО, П. А. РАППОПОРТ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПАМЯТНИК ЗОДЧЕСТВА НА РУСИ

В 1985 г. в Чернигове при археологических раскопках были обнаружены остатки ранее неизвестного памятника зодчества. Памятник этот находился в северо-восточной части черниговского детинца, близ территории древнего княжеского двора. В 1986 г. постройку удалось вскрыть полностью. Оказалось, что это была небольшая четырехстолпная церковь с тремя апсидами. Несмотря на то что южная, а частично и северная апсиды были повреждены теплотрассой, план здания реконструируется с достаточной полнотой. Сохранились не только фундаменты храма, но и нижние части его стен, поднимающиеся местами на высоту до 1 м над уровнем древней поверхности земли.

Стены здания сложены из плинф на известково-цемяночном растворе в технике кладки «со скрытым рядом» и с прослойками крупных необработанных камней. Пол вымощен мелкими камнями и обломками плинф, а сверху покрыт слоем плотного раствора. Совершенно необычной особенностью является расположение пола, лежащего на 1,4—1,5 м ниже древней поверхности. Общая длина церкви 14,9 м, ширина 11,8 м, толщина стен 1,2—1,4 м. Входной портал расположен в западной стене и около него внутри церкви сохранились остатки ведущих вниз ступенек из плинфы. В северной и южной стенах вместо проемов размещены большие аркосольные ниши. Между столбами храма были перекинуты арки, пяты которых кое-где сохранились. Арки соединяли также западные столбы с западной стеной. Наружные стены здания расчленены лопатками, а на внутренних лопатки имеются только на западной стене.

Судя по расположению арок, соединявших столбы, замки этих арок должны были размещаться на высоте всего около 2 м. Таким образом, если даже добавить толщину перекрытия, которое должны были поддерживать эти арки, окажется, что церковь возвышалась над поверхностью земли примерно на 1 м. Очевидно, что вскрытая раскопками постройка не могла быть самостоятельной церковью, а служила лишь подклетом церкви, стоявшей над нею. Назначение этого подклета не вызывает сомнений — это была усыпальница. Кроме двух больших аркосольных ниш, предназначенных для погребений, здесь обнаружены еще два кирпичных саркофага — один в юго-западном углу, а другой — между южными столбами. Найдены также обломки больших плит так называемого красного шифера (пиррофилитовый сланец), также, очевидно, от саркофагов. Все погребения, к сожалению, оказались полностью разрушенными.

Судя по завалу строительных материалов, заполнявшему раскопанные руины, верхняя церковь была богато украшена. Здесь найдено очень большое количество обломков штукатурки с фресковой росписью, поливные керамические плитки пола, куски смальты половых мозаик, фрагменты оконных стекол. Вход в верхнюю церковь, очевидно, вел с юга и остатками входного крыльца-лестницы является небольшая стенка, обнаруженная к югу от здания и проходящая параллельно южной стене, на расстоянии 70—80 см от нее. Близ храма обнаружено кладбище; за 1985—1986 гг. здесь вскрыто около 100 погребений.

Двухэтажные церкви-усыпальницы никогда не применялись в русском зодчестве домонгольского периода. Исключительность раскопанного в Чернигове храма ставит поэтому перед нами задачу — выяснить, когда и при

каких обстоятельствах было воздвигнуто это здание, каково его место в развитии древнерусской архитектуры. Время возведения храма может быть установлено с достаточно большой уверенностью. Дело в том, что памятник построен в технике кладки «со скрытым рядом», а уже во втором десятилетии XII в. в Чернигове началось строительство в иной, равнослойной технике¹. Следовательно, храм-усыпальница был построен до этого. Умерший в 1123 г. черниговский князь Давид Святославич был похоронен в Борисоглебском соборе, построенном по его заказу: «в церкви святого Бориса и Глеба, от негоже и създана бысть»². Если бы храм-усыпальница был построен по заказу князя Давида, очевидно, что он был бы похоронен именно здесь, а не в Борисоглебском соборе. Таким образом, он, видимо, сооружен до начала княжения Давида, т. е. до 1097 г. Вряд ли также возможно предполагать, что этот храм был построен в те два года, когда в Чернигове княжил брат Давида Олег Святославич (1094—1096). К тому же князь Олег, умерший в 1115 г., также погребен не в усыпальнице, а в черниговском Спасском соборе³. Видимо, она была возведена представителем другой княжеской династии, т. е. до 1094 г.

В то же время этот храм не мог быть построен и намного раньше, о чем свидетельствуют его строительно-технические особенности. Так, в памятниках первой половины XI в. (Спаский собор в Чернигове, Софийский собор и Золотые ворота в Киеве) длина плинф, как правило, более 36 см, тогда как плинфы храма-усыпальницы имеют длину около 33 см, т. е. близки формату плинф киевских построек конца XI в. Все технические приемы раскопанного памятника свидетельствуют не просто о византийских, но и о столичных, константинопольских традициях. Константинопольские мастера в XI в. несколько раз приезжали на Русь — в Киев и в Переяславль⁴. Но черниговский храм-усыпальницу строили не мастера, приехавшие из Киева или Переяславля, а какая-то иная строительная артель. Об этом говорит своеобразие почерка строителей, сказывающееся, в частности, в системе формовки плинф. Плинфы киевских мастеров не имеют производственных знаков, а у переяславльских мастеров они имеют в качестве производственного знака рифление на постелистой стороне (примерно 10 % плинф). При строительстве черниговского храма-усыпальницы мастера использовали другую систему мечения сырцов — выпуклые знаки на торцах⁵. Абсолютно такие же плинфы, как по знакам, так и по глиняному тесту, использовались в Чернигове при строительстве собора Елецкого монастыря, Борисоглебского собора и Ильинской церкви. Очевидно, здесь работали те же плинфотворители. Самая ранняя из этих построек — собор Елецкого монастыря — был возведен, по-видимому, около 1113 г. Очевидно, что во втором десятилетии XII в. в Чернигове еще работали те же люди, которые участвовали в строительстве храма-усыпальницы. Следовательно, хронологический разрыв между этими памятниками не может превышать 30—40 лет.

Предшественником князя Олега на черниговском столе был Владимир Мономах, княживший здесь с 1078 до 1094 г. По-видимому, он и был заказчиком храма-усыпальницы. Сын греческой царевны — Мономах, конечно, имел достаточно тесные связи с Константинополем, чтобы получить оттуда группу мастеров-строителей. Наиболее вероятно, что это произошло до 1081 г., так как после захвата императорского престола Алексеем Комнином отношения Мономаха с Константинополем значительно испортились.

Кроме храма-усыпальницы приехавшие в Чернигов строители возвели здесь еще одну постройку, остатки которой были обнаружены раскопками

¹ Раппопорт П. А. Из истории киево-черниговского зодчества XII в. // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 61.

² Памятники древней письменности. СПб., 1894. Т. 96. С. 26.

³ Повесть Временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 200 (6623 г.).

⁴ Раппопорт П. А. О роли византийского влияния в развитии древнерусской архитектуры // ВВ. 1984. Т. 45. С. 185.

⁵ Раппопорт П. А. Знаки на плинфе // КСИА. 1977. Вып. 150. С. 28.

под зданием Борисоглебского собора. Автор раскопок Н. В. Холостенко интерпретировал памятник как княжеский терем⁶. Однако постройка эта, к сожалению, была вскрыта лишь частично и поэтому ее первоначальный план и назначение остаются неразгаданными. Строительно-технические особенности памятника полностью совпадают с особенностями храма-усыпальницы.

В 1904 г. Владимир Мономах перешел из Чернигова в Переяславль и забрал с собою строительную артель. Строительство в Чернигове прервалось. В Переяславле же за несколько лет до этого уже начала работать другая группа византийских строителей, вызванная переяславльским епископом Ефремом⁷. Возможно, поэтому часть черниговской строительной артели, а именно мастера, изготовлявшие кирпичи (т. е. по-древнерусски — плинфотворители) здесь оказалась ненужной и не перешла в Переяславль. Оставаясь в Чернигове, эти мастера, видимо, продолжали работать в качестве керамистов, изготавливая сосуды. Впрочем, иногда их вновь привлекали к изготовлению плинфы. Так, на рубеже XI и XII вв. в Остерском городке («Городец на Вьстри») была построена маленькая Михайловская церковь. Тесная связь Остерского городка с Переяславлем и с деятельностью Мономаха, а также сама типология остерской церкви свидетельствуют, что строители ее приехали из Переяславля, но формовка плинф выдает почерк черниговских плинфотворителей.

Обладая двумя группами строителей, Мономах за время своего княжения в Переяславле смог в первые годы XII в. осуществить постройку храмов в стольных городах своих северных земель — в Суздале, Владимире, Смоленске. В 1113 г. Мономах стал киевским князем и забрал с собою в Киев всех бывших в его распоряжении строителей. Естественно, что после этого он уже не использовал в качестве родовой усыпальницы черниговскую постройку: этой цели стала служить возведенная по его распоряжению киевская церковь Спаса на Берестове.

В конце первого или начале второго десятилетия XII в. в Чернигов приехала новая строительная артель, принесшая с собою неизвестную ранее на Руси равнослойную технику плинфяной кладки⁸. В Чернигове они нашли и включили в состав своей артели уже работавших здесь мастеров-плинфотворителей. Вот почему система формовки и обжига кирпича в храме-усыпальнице и в памятниках XII в. (начиная с собора Елецкого монастыря) полностью совпадает, несмотря на существенные различия в других элементах строительной техники. В памятниках XII—XIII вв. именно характер формовки плинф позволяет установить, продолжателями какой традиции плинфотворителей — киевской, переяславльской или черниговской — являются данные мастера.

Памятников зодчества, возведенных на Руси в XI в., очень немного, и их количество не достигает даже трех десятков. Естественно, что открытие каждого нового памятника вносит очень существенные дополнения в наши представления о развитии русской архитектуры древнейшего периода. Однако в данном случае особое внимание привлекает даже не столько относительно ранняя дата раскопанного памятника, сколько его необычный тип. Двухэтажные храмы-усыпальницы — явление, необычное не только для Руси. Такие памятники нехарактерны и для византийской архитектуры. В Византии, как и на Руси, почетные захоронения обычно помещались в самой церкви, а не в специальной подклетной камере. Правда, такие церкви-усыпальницы строили в это время в Болгарии⁹. Однако эти маленькие однонефные храмики ни по архитектурным

⁶ Холостенко Н. В. Черниговские каменные княжеские терема XI в. // Архитектурное наследство. 1963. № 15. С. 3.

⁷ Каргер М. К. Памятники переяславского зодчества XI—XII вв. в свете археологических исследований // СА. 1951. Т. 15. С. 44; Малевская М. В., Раппопорт П. А. Церковь Михаила в Переяславле // Зограф. Београд, 1979. Т. 10. С. 30.

⁸ Раппопорт П. А. Из истории киево-черниговского зодчества. . . С. 62.

⁹ Грабар А. Болгарские церкви-гробницы // Известия Българския археологически институт. С., 1924. Т. 1. Св. 2. С. 103; Брунов Н. К вопросу о болгарских двух-

формам, ни по технике не совпадают с черниговским храмом и, очевидно, не могли быть для него образцами. Исследователи отмечают, что болгарские усыпальницы генетически восходят к раннехристианской традиции, поскольку подобный тип церквей был распространен на христианском Востоке в IV—VI вв.¹⁰ В болгарских усыпальницах сохраняется даже такая характерная особенность раннехристианских коптских усыпальниц, как расположение входа в нижнюю, погребальную камеру с запада, а в верхнюю церковь с юга¹¹. В период же между VI и XI вв. подобные церкви не имели распространения. Тем не менее в Византии и даже в самом Константинополе примеры двухэтажных церквей все же известны. Так, довольно близкую аналогию болгарским храмам представляет однонефная двухэтажная церковь-усыпальница, известная под турецким названием Богдан-сарай¹². Двухэтажной является гробничная церковь императора Романа Лакапина — Мирелайон, построенная в 20-х годах X в. Однако, как выяснилось, нижний этаж этой церкви первоначально служил только субструкцией, а в погребальную камеру был превращен лишь при Палеологах¹³.

И все же, в Константинополе известен пример двухэтажной церкви-усыпальницы, близкой черниговскому памятнику как типологически, так и хронологически. Это церковь, известная под названием Одалар-джамы¹⁴. Очень плохая сохранность руин и отсутствие систематических исследований памятника не позволяют полностью реконструировать даже план церкви. Тем не менее ясно, что церковь была четырехстолпной трехапсидной. Она возведена в технике кладки из плинфы «со скрытым рядом» и с прослойками крупных камней. Единственное существенное ее отличие от черниговского храма — наличие бемы. В интерьере церкви сохранялись остатки фресковой росписи¹⁵. Предполагаемая датировка храма — XI или XII в.¹⁶ Было высказано предположение, что церковь эта первоначально называлась церковью Марии Константинопольской¹⁷.

Таким образом, хотя построение двухэтажных церквей-усыпальниц не характерно для византийского зодчества, но отдельные примеры таких построек все же известны. Если бы выяснилось, что константинопольская Одалар-джамы была родовой церковью императора Константина Мономаха — деда князя Владимира Мономаха, было бы понятно, почему в Чернигове возвели храм столь редкого для Византии типа. К сожалению, ни точная дата церкви Одалар-джамы, ни ее заказчик пока не выяснены. Во всяком случае, прямая связь черниговского памятника с константинопольской архитектурной традицией сомнений не вызывает.

К тому времени, когда в Чернигове возводили церковь-усыпальницу, в Киеве уже сложились достаточно прочные архитектурные традиции. В русской архитектуре определился ставший каноничным типологический и стилистический варианты храма. Памятники, не совпадавшие с этим типом, как правило, не оказывали существенного влияния на дальнейшее развитие русского зодчества. Такая судьба постигла и черниговскую усыпальницу: она осталась единичным примером во всем зодчестве Руси домонгольского времени.

этажных церквах-гробницах // Известия на Българския археологически институт. С., 1927. Т. 1. С. 135; Чангова Й. Градоустройство и архитектура // Перник. С., 1983. Т. 2. С. 86.

¹⁰ Грабар А. Болгарские церкви-гробницы. С. 107.

¹¹ Там же. С. 123.

¹² Mathews T. F. The Byzantine Churches of Istanbul. Pennsylvania, 1976. P. 36.

¹³ Striker C. L. The Myrelaion (Bodrum Camii) in Istanbul. New Jersey, 1981. P. 6, 33.

¹⁴ Brunov N. Die Odalar-Djami von Konstantinopel // BZ. 1926. Bd. 26. S. 352.

¹⁵ Alpatov M. Die Fresken der Odalar-Djami in Konstantinopel // BZ. 1926. Bd. 26. S. 373.

¹⁶ Mathews T. F. The Byzantine Churches. . . P. 220.

¹⁷ Schneider A. M. Byzanz // Istanbuler Forschungen. Amsterdam, 1967. Bd. 8. S. 62.